

этой книге, позволяя себе разойтись с Боккаччо только в одном: не писать ни одной новеллы, которая не была бы истинным происшествием. Таким образом, обе эти дамы решили написать по десяти новелл каждая и к ним присоединился господин Дофин. Впоследствии же они решили довести число рассказчиков до десяти и выбрать для этого тех, у кого будет что рассказать. Заправских писателей они решили не приглашать: монсеньор Дофин не хотел, чтобы в эту затею вмешивались люди, хорошо владеющие пером. К тому же он боялся, что погоня за риторическими красотами может в какой-то мере повредить жизненной правде. Но случилось так, что последовавшие вскоре после этого события – мир,³⁰⁶ который наш король заключил с королем английским, разрешение от бремени супруги Дофина³⁰⁷ и многие другие, достаточно значительные, чтобы занять внимание всего двора, – заставили их позабыть об этом намерении. И вот мы сейчас как раз могли бы осуществить его, воспользовавшись для этого тем досугом, который выдался нам на долю в ожидании, пока мост через реку будет построен. И если вам будет угодно, мы каждый день от полудня и до четырех часов можем проводить на этой прелестной лужайке на берегу горного ручья, где листва так густа, что солнечные лучи не в силах пробраться туда и помешать нам насладиться прохладой. Там каждый расскажет какую-нибудь историю, свидетелем которой был сам или которую слышал от человека, заслуживающего доверия. За десять дней у нас наберется сотня таких рассказов, и если господь сочтет, что труд наш достоин быть прочитанным упомянутыми дамами и господами, мы по возвращении из путешествия преподнесем его им, как принято подносить молитвенники и образки. Но, впрочем, если кто-нибудь из вас изобретет нечто более занимательное, чем то, что я предлагаю, я охотно соглашусь с его выбором.

Все воскликнули, что лучшего ничего не придумать и что им не терпится поскорее приняться за игру, начать которую решено было на следующий же день.

Весь остаток дня общество провело очень весело, каждый вспоминал и рассказывал другому то, что когда-то видел. А на следующее утро все собрались в комнате госпожи Уазиль, которую они застали уже за молитвой. После этого они в течение часа слушали ее чтение, а потом со всем подобающим благочестием присутствовали на мессе. В десять часов они пообедали и каждый удалился к себе в комнату и занялся своими делами. В полдень же все они встретились на лужайке, которая была так хороша, что нужно было бы искусство Боккаччо, чтобы ее описать. Надеюсь, однако, все мне поверят, если я скажу, что это был уголок неслыханной красоты. Когда все общество расположилось на зеленой траве, такой мягкой и нежной, что не потребовалось ни ковров, ни подушек, Симонто спросил:

– Кто же на нас начнет?

– Раз вы первый заговорили, – ответил Иركان, – то вы теперь нами и распоряжайтесь. Ведь в игре этой мы все равны.

– Я ничего не хотел бы другого в жизни, – сказал Симонто, – как распоряжаться этой компанией!

При этих словах Парламента, которая хорошо поняла их смысл, вдруг раскашлялась. Это помешало Иргану заметить, как она покраснела, и он попросил Симонто начать свой рассказ.³⁰⁸

День третий

В третий день обсуждается поведение дам, которые искали одной только добродетельной любви, а также примеры лицемерия и коварства монахов

Вступление

³⁰⁶ Имеется в виду заключенный в 1546 г. в Ардре мирный договор между Франциском I и английским королем Генрихом VIII.

³⁰⁷ Речь идет о рождении принцессы Елизаветы, дочери дофина Генриха и Екатерины Медичи (родилась в 1545 г.).

³⁰⁸ В первой новелле первого дня Симонто повествует о любовных похождениях жены прокурора из Алансона и о кровавой расправе мужа с любовником жены.